

ПО МАСТЕРСКИМ

У Д. Д. БУШЭНА

КАБ время летит! — Давно ли молодой художник Бушэн каждый год на своих выставках, всегда в галерею Дрюэ, показывал нам все новые и новые пейзажи и цветы — маслом, акварелью, больше гуашью.

Радовало не только какое-то "свое лицо" художника, всегда в том же привлекательном притяжении, но и поступательное движение в развитии несомненного таланта молодого, совсем молодого мастера. Он умел находить звучащий ему пейзаж, будь то на юге Франции, в Гудонь, Сен-Тропезь, в Ницце, или в Италии — в Венеции, во Флоренции, в Неаполе или в Риме. Ничего банального "забзженного". Всегда новое, свежее и всегда овьянное каким-то поэтическим налетом.

Венецию писали и пишут тысячи художников, и очень много средних талантливых. Венеция привлекает внимание живописца какой-то неувыдаемой и необычной красотой, и так легко на ней "споткнуться", власть в "красивость", и потому вужно очень глубоко всю ее понять, ощутить, полюбить, чтобы дать ее такой, какой она отложилась в души художника; чтобы пейзаж венецианский зазвучал, заплел и зрителя пленил. Бушэн и в Венецианских работах своих сумел сохранить "свое лицо". — та же поэзия художника наполнила и эти пейзажи.

Десять лет, из года в год, все в той же галерею, неутомимый Бушэн пожинал успехи уже совсем сложившагося, настоящего, хорошаго художника. Уже или его самостоятельные выставки не только в Париже, но и в Брюсселе, в Антверпене, в Нью-Йорке и в Чикаго.

БОРИС ПАСТУХОВ, развешивший сейчас свою продукцию последнего времени в Галерею Дрюэ-Гюэль, 37, Ав. Фридан, мастер зрелый, полностью владеющий своей кистью и своей богатой, яркой палитрой.

Художник, типичный представитель академической, официальной, так сказать, живописи, любит солнечную, ясную сторону жизни, как будто не знающей вовсе тиневых моментов. Его пейзажи всегда залиты лучами солнца, красны, играют красками, как и букеты цветов, так обильно, так пышно красуются на холстах художника. На его портретах все женщины молоды, красивы, обильнолицы, вышней, позавной красотой, напоминают овалы таких цветов, как бы даже излучают их аромат. Упомяну особо прелестный портрет девушки в розовой кофточке (ноя. 28), действительно, чарующий холодостью, свежестью, элегантностью. Р. 255

в Лондонь и в Праге, в Буэнос-Айресь и в Швейцарии.

Полотна его шли в музеи и наполняли коллекции любителей и знатоков живописи. Кроме Люксембургского музея (как раз чудесный вид Венеции) — картины Бушэна разсыяны по всему свету: в Бельгии, в Голландии, Швейцарии, Италии, Англии, в Египте, Аргентине, в Бразилии. Достигли полотна Дмитрия Дмитриевича и Холливода, несколько полотен у Греты Гарбо, у Глории Свенсон, Клифтон Вебб, Гресс Мур.

Спокойные дни ушли в прошлое, замбила их вьчная тревога. Военная буря стала разливаться по миру, вывернула на изнанку, всю жизнь, оттягчила ее и усложнила до чрезвычайности, а вьд душа художника-творца и в эту непогоду продолжала тянуться к "своему", в чем был весь смысл жизни, чему отдавались все силы, все творческое напряжение. Крпкая любовь к живописному искусству оставалась нерушимой.

И теперь, когда бури отзвучали, когда наступило какое-то затишье, не покой, а что-то все же похожее на мирную жизнь, потянуло посмотреть, что сделано художником за эти последние годы. Вьд двадцать пять лет трудится Бушэн во Франции.

Не очень большая, но какая-то уютная, совсем свьтлая мастерская художника, конечно, высоко в большом доме, где все в ней в отьмьном порядке и чистоте, наполнена картонами и холстами художника. Приходится искренне удивляться какой-то жадной трудоспособности Бушэна: здесь и пейзаж, на воздух писанный, здесь и эскизы к декорационному театральным, и наброски костюмов балетных, и натюр-морт, и цветы...

Цветы!... Это какая-то захватывающая стихия Бушэна. Эти большие картоны источают аромат и свежесть живого цветка. Разнообразие самого цветка, композиция каких-то сказочных сочетаний, громадных гирлянд и букетов, все это полно очарования, все это живет и дышет. Цветок — не легкая натура, с ней нужно обращаться не только с умением и знанием, но и с любовью... Он это чувствует и тогда покорно ложится на полотно, послушный кисти художника, и тогда он неувыдаемо продолжает жить и звенеть своей дивной красотой, красотой цветка.

И в этих удивительных цветах и пейзажах Бушэн остается тем же поэтом краски нежной, легкой, прозрачной и в то же время полнозвучнейшей всей своей красочной силой.

За эти двадцать пять лет много прекраснаго создало творчество художника. Сейчас Бушэн в полном расцвете сил своих и, конечно, даст еще работ свой много множество радостных, свьтлых произведений настоящего искусства.